

археологических работ этот вопрос в значительной мере остается открытым. Недостатком статей О. И. Смирновой является ограниченность воспроизведенных материалов, собранных на исследованных памятниках.

Статья Н. Негматова посвящена «Историко-географическому очерку Усрушаны с древнейших времен по X в. н. э.». Н. Негматов рассматривает сведения античных авторов и дает картину географии средневековой Усрушаны. Неправильным является отождествление городища Куркат-Ширии на Сыр-Дарье (датированное О. И. Смирновой V—VI вв. н. э. — стр. 227) с «царским городом» согдийцев IV в. до н. э. (стр. 235). Этот пункт (βασίλεια τῆς Σογδιανῶν — Arr., Anab., IV, 5, 2) был расположен на Зарафшане в районе позднейшей Кушании или даже Бухары.

В статьях М. М. Дьяконова «Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) (1950—1951 гг.)» и Н. Н. Забелина «Раскопки на городище Калаи-Мир», представляющих большой научный интерес, изложены результаты археологических работ в нижнем течении р. Кафирнигана. В этом районе был обследован ряд древних памятников, и на двух из них (городища Калаи-Мир и Кейкобадшах) начаты раскопочные работы, которые установили, что Калаи-Мир в нижних своих слоях является поселением середины I тысячелетия до н. э. К III—II вв. до н. э. относится возникновение городища Кейкобадшах, жизнь на котором прекращается после III—IV вв. н. э. «Конец жизни города связан с общим кризисом рабовладельческой системы, умиранием того типа городов, который был характерен для рабовладельческой формации и теперь изживал себя» (стр. 292). М. М. Дьяконов выделяет следующие этапы истории древнего Кобадияна: древнебактрийский (VI—IV вв. до н. э.), грекобактрийский (III—II вв. до н. э.), тохарский (I в. до — I в. н. э.), кушанский (II в. н. э.), позднекушанский (III—IV вв. н. э.). Соответственно этапы условно именуется Кобадиян I, II, III, IV и V. В конце статьи приложена сводная таблица археологического материала. Археологический комплекс Кобадиян I позволяет считать середину I тысячелетия до н. э. временем сложения в Средней Азии городских рабовладельческих центров (стр. 282). Полученный на кобадиянских городищах материал имеет большое значение для изучения синхронных памятников в других районах Средней Азии. Однако вследствие ограниченности проведенных раскопочных работ ряд вопросов остается не вполне ясным. Так, не ясны хронологические рамки древнебактрийского этапа: VII—V вв. до н. э. (стр. 17 и 296); VII—IV вв. (стр. 275, 285—287); VI—IV вв. (стр. 282), что оговаривает и сам М. М. Дьяконов: «Датировать этот этап следует VI—IV вв. до н. э., хотя возможна и более ранняя датировка» (стр. 282). Возможно, освоение долины Кафирнигана относится к более позднему времени, чем сложение главных городских центров Согда и Бактрии.

Трудно расчленим материал этапов Кобадиян II и III. Этап III, так же как и этап IV, не связан с остатками сооружений, и единственным критерием для их выделения послужила стратиграфия раскопа на Кейкобадшахе (стр. 276, 301), профиль которого к отчету не приложен. Скорее всего материал Кобадияна II и III относится к одному историческому периоду, постепенные изменения внутри которого еще трудно уловить. С неуточненным расчлениением этапов II и III связана и противоречивость в датировке меднолитой мастерской (ср. стр. 280, 286, 273, 296). Различны и противоречивы толкования в Трудах находки на Калаи-Мире диобола Евкратиды как свидетельства для датировки археологического комплекса (стр. 275, 283). Н. Н. Забелина считает, что монета перемещена из более нижних слоев (стр. 296). Вызывает сомнение отнесение к древнебактрийскому комплексу стегатитовой поделки (стр. 281), напоминающей вещи кушанского времени из Таксилы. Несколько позволяет судить текст этих статей, полученный при раскопках материал опубликован не полностью. Несмотря на сделанные замечания, важность работ М. М. Дьяконова на кобадиянских городищах для характеристики более чем тысячелетнего периода истории северной Бактрии несомненна.

В статье А. П. Ролкова (стр. 302—306) приводятся сведения по исторической топографии Кобадияна XIX в., установленные на основании опросных данных.

Оценивая положительно этот том МИА, как ценный научный вклад в разрешение важных проблем древней истории нашей Родины, следует указать вслед за А. Ю. Якубовским (стр. 11), что ТАЭ недостаточно внимания уделено эпохе первобытно-общинного строя. Памятников этого времени выявлено мало, и полученный материал не опубликован. Недостаточно во втором томе Трудов уделено внимания истории развитого средневековья на территории Средней Азии. Важной проблемой являются вопросы этногенеза таджикского народа, и на материале, получаемом ТАЭ, можно ставить например, вопросы происхождения культуры таджикского народа, на что уже обращалось внимание¹. Для исследования этого круга вопросов необходимо широкое изучение на территории Таджикистана памятников кочевых племен, что неоднократно признается и руководством экспедиции (стр. 11, 20, 293). В изданиях ТАЭ следует больше внимания уделить исследованию массовых памятников материальной культуры Пянджикента (керамика, оружие, украшения, вопросы технологии производства и др.), которые иногда заслоняются исследованием отдельных замечательных росписей или прекрасно сохранившейся архитектуры зданий. При публикации развернутых отчетов необходимо возможно более полное издание добытого материала. Иллюстративный же материал II тома Трудов обеднен по сравнению с I томом. Следует давать также публикацию археологических планов с обозначением мест находок отдельных предметов. Нельзя не пожалеть об отсутствии во II томе списка монет, найденных в Пянджикенте в 1948—1950 гг., неоднократно упоминаемых в ряде статей. Опубликованные два тома Трудов ТАЭ отражают лишь часть добытого экспедицией материала, имеющего большое научное значение. Высказанные в рецензии замечания во многом связаны с дальнейшим расширением работ ТАЭ, отмечающей в этом году 10-летие своей плодотворной деятельности. В целом рассматриваемый второй том Трудов ТАЭ является ценным вкладом в дело изучения богатого прошлого народов Средней Азии.

Ю. А. Заднепровский, В. М. Массон

P. OLIVA, Raná řecká tyrannis. Studie k otázce vzniku státu. Praha, 1954; ОН ЖЕ, Počátky otrokářské výroby v antickém Řecku. «Československý časopis historycký», 1954, стр. 78—92.*

Рецензируемая книга представляет собой, по видимому, первое крупное произведение чешского ученого-марксиста; книга вышла в свет седьмым выпуском серии «Исследования и источники» Отделения истории и философии Чехословацкой Академии наук. Текст книги редактировался и рецензировался крупнейшими чешскими специалистами по истории древней Греции: Л. Варцлем и И. Фрелем.

Выбор темы труда П. Оливы несомненно следует признать весьма удачным. Проблема раннегреческой тирании является одной из наиболее важных и сложных в истории древней Греции. Значение ее определяется тем, что вопрос о ранней тирании связан теснейшим образом с проблемой возникновения рабовладельческого строя и, в частности, государства. Сложность проблемы обусловлена как недостаточной разработанностью ее в марксистской историографии, так и состоянием на редкость фрагментарных ис-

¹ Предисловие А. Ю. Якубовского к I тому «Истории народов Узбекистана»; А. М. Мандельштам, Сложение таджикской народности в Среднеазиатском междуречьи, автореферат, М.—Л., 1951.

* П. Олива, Раннегреческая тирания. К проблеме возникновения государства, Прага, Изд-во Чехословацкой Академии наук, 1954, 498 стр., 35 илл., 5 табл. и 5 карт; он же, Начало рабовладельческого производства в античной Греции, «Чехословацкий исторический журнал», 1954, стр. 78—92.

точников. Книга Оливы, следовательно, — важное событие в историографии древней Греции не только как показатель развития чешской исторической науки, но и как попытка марксистского решения одной из сложнейших проблем истории античности.

Книга состоит из восьми глав. Ее вводную часть составляют: предисловие (стр. 5 сл.), гл. I — введение (стр. 7—14), гл. II — источники (стр. 15—38), гл. III — литература (стр. 39—74) и гл. IV — «Греция в архаический период» (стр. 75—98). Центральная часть книги состоит из трех больших глав, каждая из которых представляет собой фактически отдельное исследование: гл. V — «Тирания в Малой Азии и на островах Эгейского моря» (стр. 99—174), распадающаяся на очерки о Милете, Эфесе, Митилене и Самосе; гл. VI — «Тирания на Коринфском перешейке» (стр. 175—267), в которой рассматриваются тирании в Сикионе, Коринфе и Мегаре; гл. VII — «Афины» (стр. 268—369). В гл. VIII — «Историческое значение раннегреческой тирании» (стр. 370—399) П. Олива обобщает итоги своего исследования и стремится установить общие закономерности возникновения, развития и падения изучаемого им исторического явления. Ценным пособием для желающих заняться углубленным изучением проблемы является выборочный список использованной литературы, охватывающий около 250 названий. В русском (стр. 424—449) и английском резюме книги изложено основное содержание работы П. Оливы. Наконец, на стр. 493—496 автор обращает внимание читателей на новые работы по тирании, в том числе и издания 1954 г.

Статья «Начало рабовладельческого производства в античной Греции» посвящена, как об этом свидетельствует ее название, исключительно важному и почти совсем не разработанному вопросу, полностью игнорируемому в современной буржуазной историографии. Содержание ее, за исключением нескольких моментов, на одном из которых мы остановимся ниже, совпадает с соответствующими местами книги.

В книге П. Оливы многое привлекает внимание не только среднего читателя, на которого, повидимому, рассчитывал автор, но и специалиста-античника. Начнем хотя бы с главы, посвященной источникам. Обычно эта глава сводится, как правило, к перечислению различных античных авторов и общеизвестной характеристике их произведений и фрагментов. Источниковедческие главы не выполняют даже основной своей функции — они не свидетельствуют о степени знакомства автора с источниками, так как исключительно подробно разработанная в нашей области знания система справочных пособий и энциклопедий дает любому автору возможность составлять такого рода обзоры, даже не заглядывая в источники. К чести П. Оливы следует сказать, что его обзор построен по-иному: исходя из необходимости уделить «основное внимание тем источникам, на основе которых можно определить производственные отношения... и исследовать развитие производительных сил» (стр. 15), он начинает главу характеристикой археологических памятников, правильно обращая больше всего внимание на керамику, затем переходит к анализу нумизматических, эпиграфических данных и уже в последнюю очередь характеризует литературные источники.

Забегая несколько вперед, отметим сразу, что на протяжении всей своей работы П. Олива уделяет максимальное внимание памятникам материальной культуры; так, например, весьма значительная часть главы о тирании в Афинах построена на археологическом материале. Любому специалисту-историку ясно, сколь большого труда и умения требует подбор данных археологических раскопок, разбросанных в десятках изданий и журналов, а главное — использование этих данных для исторических выводов. С этой частью своей работы П. Олива справился очень удачно. В использовании им археологической литературы следует отметить лишь один существенный пробел (по состоянию, примерно, на 1952 г.): речь идет о публикациях довоенных немецких раскопок Керамика в Афинах¹. Без учета этих данных характеристика экономического состояния Афин в начале I тысячелетия, данная в книге, остается далеко не полной.

¹ Kerameikos, I, Die Nekropolen des 12. bis 10. Jahrhunderts von W. Kraiker und K. Kübler, Berlin, 1939; IV, Neufunde aus der Nekropole des 11. und 10. Jahrhunderts von K. Kübler, Berlin, 1943.

Некоторое неудовлетворение остается после ознакомления с характеристикой все же еще до сих пор наиболее важной группы источников — литературных памятников. Если П. Олива полностью прав в том, что именно археологические памятники особенно ценны для характеристики производства ранней Греции, то, с другой стороны, столь же несомненно, что именно литературные источники имеют основное значение при изучении социальной и особенно политической истории VII—VI вв. до н. э. Думается, что автору следовало значительно более обстоятельно, чем это сделано в книге, остановиться на относительно обильных и очень важных фрагментах из лириков, прежде всего Алкея и Гиппонакта¹.

Очень важно то, что автор не ограничивается изложением и характеристикой источников, но сразу же обращает внимание читателя на необходимость правильного марксистского подхода к использованию археологических и других источников. Цена краткая, но очень убедительная критика методики исследования буржуазных археологов и пумизматов, подходивших к памятникам древности только с абстрактно-искусствоведческой точки зрения и использовавших эти памятники в лучшем случае лишь в качестве материала для политической истории Эллады. Как образец использования памятников материальной культуры для восстановления подлинной истории трудящихся масс П. Олива приводит работы советских археологов, изучающих историю Северного Причерноморья (стр. 19).

Много внимания уделяет П. Олива литературе предмета своего исследования. Кроме общей оценки основных работ своих предшественников в третьей главе книги, он посвятил немалое количество примечаний и страниц текста полемике с другими исследователями и в дальнейших главах монографии. Основное внимание он правильно уделяет новым работам, в том числе и вышедшим на протяжении последних 10—15 лет. Интересны его критические замечания об относительно мало известной нашему читателю чешской историографии периода буржуазной республики. П. Олива хорошо знает труды классиков марксизма и исключительно внимательно следит за советской литературой по древней истории и археологии². П. Олива знаком и с русской дореволюционной литературой. Достаточно указать, что наряду с общеизвестными трудами В. П. Бузескула им использована и такая относительно мало известная работа, как статья М. М. Хвостова «О социальном характере афинской тирании VI в.»³.

Книга П. Оливы наглядно свидетельствует о том, с каким вниманием и уважением относятся к работам советских историков ученые стран народной демократии, что налаживает на всех нас почетную обязанность с еще большей энергией бороться за дальнейшие достижения советской исторической науки.

В общей оценке ранней тирании П. Олива в основном стоит на позициях, принятых в марксистской историографии и изложенных довольно подробно в учебнике В. С. Сергеева. Кстати говоря, как известно, освещение ранней тирании в этом учебнике не встре-

¹ Из поля зрения П. Оливы ускользнули три важные работы, в каждой из которых, с той или иной стороны, в довольно значительных размерах используются данные лириков для характеристики социально-экономических отношений или общественных настроений эпохи. Это работы Кнорринга, Бэрна и Френкеля (H. Knorring, *Emporos*, Amsterdam, 1926; A. R. Burn, *The world of Hesiod*, L., 1936; H. Frankel, *Dichtung und Philosophie des frühen Griechentums*, N. Y., 1951). Правда, П. Олива цитирует книгу Бэрна в списке литературы, но я не нашел ссылок на нее в тексте. Не упомянута она и в местах, отмеченных в указателе. Между тем именно эта книга Бэрна особенно интересна в связи с его попыткой подойти к марксистскому пониманию исторического процесса.

² В качестве иллюстрации интересно будет отметить, что в выборочном списке литературы (стр. 411—412) примерно из 250 названий на советские работы приходится: четыре перевода на чешский, 15 книг и около 20 статей и рецензий в журналах, в том числе 17 из ВДИ.

³ «Сборник в честь Д. А. Корсакова», Казань, 1913, стр. 458—464.

тило критики в рецензиях во время недавнего обсуждения вузовских учебников на страницах ВДИ, несмотря на резкую критику этого учебника в целом. Это обстоятельство освобождает нас от необходимости подробного изложения взглядов автора рецензируемой книги на раннюю тиранию в целом.

Все же необходимо здесь отметить то новое, что в более или менее существенных частностях отличает взгляды П. Оливы от концепции В. С. Сергеева по этому вопросу. П. Олива с большой силой подчеркивает момент закономерности и исторической обусловленности ранней тирании. Он считает эту тиранию совершенно необходимым звеном на пути возникновения рабовладельческого строя и государства в экономически развитых греческих полисах. Отсутствие тирании в Спарте, на Крите и т. д. он объясняет именно их отсталостью в экономическом развитии. По мнению П. Оливы, тирания в момент ее возникновения повсеместно, за частичным исключением Афин, представляла интересы зародившегося класса ремесленников и торговцев, использовавших в широких размерах труд рабов. Кратковременность тирании в большинстве полисов он объясняет тем, что быстрые темпы экономического развития в VII—VI вв. вскоре превращали тиранию в преграду для дальнейшего развития рабовладельческого ремесла и торговли. Таким образом, как возникновение, так и падение тирании П. Олива считает делом одной и той же социальной группы. Больше того: важнейшим звеном в деятельности ранних тиранов он считает поддержку рабовладельческих ремесленников и торговцев как во внутренней, так и во внешней политике, а свержение тирании, например в Коринфе, ставится в связь с известными меропрятиями Перикла по ограничению рабовладения.

Большое внимание уделяет П. Олива очень важному вопросу — рабовладению. Он правильно считает важнейшим пороком буржуазной историографии недооценку, а чаще всего, особенно в наше время, игнорирование рабовладельческого характера античных полисов и связанную с этим модернизацию древности. П. Олива подобрал подавляющее большинство свидетельств древних писателей о рабстве во время ранней тирании и, по мере возможности, старался извлечь данные о рабовладении также из памятников материальной культуры. Соответствующие разделы книги и статьи, как мне представляется, являются наиболее ценными во всей его работе. По его мнению, развитие рабства в ранней Греции было связано почти исключительно с ростом ремесленного производства, строительства и горных разработок.

П. Олива сознательно (стр. 373) обращает основное внимание на общие черты всех исследуемых им тираний, а не на их различия. Специфике развития тирании в отдельных полисах он фактически уделяет лишь две страницы в заключительной главе книги (стр. 371—373) и изредка по одному-два абзаца в заключениях к параграфам и главам. Все же он считает необходимым указать на антидорийскую направленность тирании на Коринфском перешейке и на меньшее значение тирании Писистрата в Афинах по сравнению с тираниями в других полисах; последнее он объясняет значительно большим значением земледелия в Аттике.

Следует еще отметить, что П. Олива умело привлекает всюду, где это возможно, данные источников о преобразовании фил, как показатель антиаристократической направленности ранней тирании. Это же касается сведений о распространении культа Диониса.

Таковы главные моменты, на которые нацелено внимание автора. Еще раз надо подчеркнуть, что его концепция во всех основных чертах не отличается от взглядов, принятых в нашей историографии, хотя отдельные существенные положения в книге вызывают сомнения и требуют обсуждения.

Прежде всего в постановке проблемы ранней тирании у П. Оливы вызывает сомнение роль, приписываемая им для того времени крестьянству. Он неоднократно повторяет, что ведущей силой в борьбе против господства аристократии были владельцы ремесленных мастерских и торговцы. Частичную оговорку он делает только для Аттики в заключительной главе (стр. 372), признавая здесь, что Писистрат опирался на «обедневших крестьян и безземельных». Однако в главе об Афинах, где подробно анализируется вопрос о диакриях (стр. 318—320), он же утверждает, что «группировку диакрий»

создавало наиболее бедное аттическое население, особенно безземельные»¹. Таким образом, в конкретном изложении событий, связанных с тиранией Писистрата, крестьянство фактически остается только пассивной массой, в лучшем случае лишь содействующей богатым рабовладельцам в их борьбе против евпатридов. Еще менее активной, по мнению П. Оливы, была роль крестьянства в других полисах, прошедших через раннюю тиранию. Такая точка зрения представляется неправильной. В дошедших до нас источниках, особенно для Аттики, говорится относительно много о борьбе крестьян против знати и значительно меньше о политической борьбе ремесленно-торговых слоев в поддержку тирании. Что же касается других греческих полисов, то сведения о тираниях вообще очень скудны, а о поддержке тиранов ремесленниками и торговцами древние авторы вообще не сообщают ни слова. Мне думается, что Дж. Томсон, ссылаясь на Энгельса, правильно подчеркнул, что вплоть до Клисфена основным антагонизмом был антагонизм между знатью и простым народом («Письмо в редакцию», ВДИ, 1953, № 4, стр. 110). Из приводимого Дж. Томсоном на той же странице высказывания Маркса с полной несомненностью следует, что Маркс считался с наличием довольно длительного периода расцвета классического общества еще до того, как рабство успело овладеть производством. Этот период, повидимому, следует приурочить именно к VII—VI вв.

С этим связана и вторая группа возражений против картины, рисуемой в книге П. Оливы. Выше указывалось, что подборка материалов о рабстве является одной из наиболее ценных частей рецензируемой работы. Однако развитие рабства выглядит в книге несколько схематичным. П. Олива полностью прав в оценке отмены долгового рабства при Солоне, считая это довольно важным показателем развития рабства иноплеменников. Но ведь долговое рабство в подавляющем большинстве случаев, несомненно, имело место в земледелии; следовательно, там же должны были использоваться после реформы Солона и рабы-иноплеменники. Это, понятно, не исключает использования значительных групп рабов и в ремесле и в других отраслях производства. Несомненно, большое число рабов в VI в. должно было быть занято и в домашнем хозяйстве. Между тем П. Олива всюду говорит о применении труда рабов только в ремесле и тесно с ним связанных производствах². Думается, что единственно возможный путь для создания научной истории возникновения рабства в Греции ведет только через предваритель-

¹ Кстати, и В. С. Сергеев считает диакриев «крестьянами гористой области Аттики» («История древней Греции», изд. 2-е, М., 1948, стр. 174).

² В рецензируемой статье П. Олива уделяет довольно много места полемике с одним из положений моей статьи «Об историческом месте гомеровского рабства» (ВДИ, 1952, № 2, стр. 59; см. стр. 79 сл. рецензируемой статьи). П. Олива считает неправильным мое предположение: «Возможно, что именно в наличии длительного опыта исторического развития микенского времени кроется одна из главных причин того поразительно быстрого перехода греческих племен от примитивного к развитому рабовладельческому развитию в первой половине следующего тысячелетия...» и подчеркивает, что развитие рабовладельческих отношений в античной Греции зависело прежде всего от развития производительных сил в ремесленном производстве. Несомненно, развитие производственных отношений определяется уровнем производительных сил; это, как известно, одно из основных положений марксизма. Однако уровень развития производительных сил, например в IX в., во многих странах древнего Востока несомненно был не ниже, а выше, чем в Греции того же времени. Древневосточные народы были в то время уже давно знакомы с железом, общественное разделение труда у многих из них зашло значительно дальше, чем в Греции; тем не менее впоследствии они остались позади Эллады. Поэтому представляется в о з м о ж н ы м считать, что одной из причин поразительно быстрого (для того времени) развития Греции являлось наследие микенского времени. На роль этого наследия в области, например, орудий труда указывает вполне правильно Бэрн (ук. соч., стр. 2). Тем не менее наше предположение, как и указывалось в статье, остается гипотезой до того, как его подтвердят или опровергнут, скажем, пилосские надписи. Но во всяком случае в настоящее время мне неизвестны никакие научные факты, которые бы противоречили этому положению. Ограничение же развития рабовладель-

ное составление свода всех письменных, а не только литературных упоминаний о рабах раннегреческих источников. П. Олива сделал в своей книге первый, трудный шаг в этом направлении. Но работа еще далеко не закончена, и предстоит сделать еще очень и очень многое. На это правильно указывал в цитированном уже «Письме в редакцию» ВДИ Дж. Томсон.

Нельзя также полностью согласиться с П. Оливой в оценке роли торговли. Возникшее именно в это время товарное производство, несомненно, содействовало ее развитию. Собранные автором археологические данные ярко иллюстрируют этот процесс. Однако роль торговли в древности качественно отличалась от ее роли даже в период первоначального накопления капитала. Притом и в количественном отношении античная торговля во многом уступала торговле эпохи капитализма¹. Тем более это относится к греческой торговле так называемого архаического периода. П. Олива должен был обязательно указать на специфику торговли в античности, тогда его критика концепций, например Уге'а, была бы значительно убедительнее. Между тем он почти полностью умалчивает о метэках, игравших исключительно большую роль как в торговле, так и в ремесле развитых полисов. Подоплекой почти всех войн изучаемого им периода П. Олива считает защиту интересов торговых кругов того или иного полиса. В этом, как мне кажется, очень много преувеличения. Понятно, любой полис был заинтересован в обеспечении привоза рабов и продовольствия, но от этого еще очень далеко до какой-либо меркантилистической политики, каковую фактически предполагает у раннегреческих тиранов П. Олива. Вероятно, с этим связана у него и явная недооценка очень важного именно в ранний период явления — пиратства. Талассократия, которой несомненно речь идет о пиратстве, П. Олива, хотя и с колебанием, склонен считать связанной с морской торговлей (стр. 150, прим. 180).

Желая подчеркнуть закономерность ранней тирании, П. Олива несколько обедняет специфику тираний в отдельных полисах. Между тем очень важно, как это отметил К. Р. Зельин в своей рецензии на книгу А. Б. Рановича «Эллинизм и его историческая роль», не только подчеркивать общие черты, «но и установить специфические особенности... которые могут нам объяснить конкретные явления жизни рассматриваемого периода» (ВДИ, 1951, № 2, стр. 145). Выше были указаны те черты своеобразия, которые П. Олива счел нужным отметить в своей книге. Этого, конечно, недостаточно.

Замечания, высказанные нами в связи с книгой П. Оливы, было бы несправедливо расценивать как упреки по его адресу. Во-первых, речь идет об очень сложной проблеме, которая к тому же до сих пор почти не разрабатывалась в марксистской историографии; во-вторых, — и это не менее важно, — ценность его работы состоит не только в попытке по-марксистски решить проблему тирании, но, пожалуй, в еще большей степени, — в новом освещении ряда существенных вопросов истории Греции в VIII—VI вв. до н. э. В своей книге П. Олива делает очень много важных и ценных замечаний, и мы остановимся только на наиболее значимых из них. Так, он правильно возражает против употребления в нашей литературе термина «великая греческая колонизация» и предпочитает говорить о «греческой колонизации» (стр. 86, прим. 20). Он всюду проводит четкую грань между прогрессивными ранними тиранами и реакционными ставленниками Ахеменидов. Оценка Солона дана им более четко и правильно, чем в учебнике В. С. Сергеева. П. Олива хорошо охарактеризовал социальную значимость творчества Феогида. Очень метко и правильно его замечание о том, что смещение знатности с богатством, на которое жалуется мегарский поэт, было вызвано не только стремлением богачей породиться со знатью, но более всего страхом перед демоном (стр. 259). Прав П. Олива во многих случаях и в своих критических замечаниях по адресу Дж. Томсона: для периода ранней тирании более правильно говорить не об аристократических родах, а о семьях, стоявших во главе рода (стр. 337, прим. 187);

ческих отношений в Греции VIII—VI вв. фактически только ремеслом нам представляется неправильным в силу изложенных соображений

¹ К. М а р к с, Капитал, т. III, 1950, ч. 1, стр. 345, прим. 49.

требование передела земли даже в ранний период никоим образом не следует считать реакционным (стр. 307, прим. 112).

Громадное количество собранного археологического материала, прекрасное знание литературы предмета вплоть до новейших статей 1954 г., стремление по-марксистски осветить важнейшие проблемы истории ранней Греции дают основание считать появившиеся книги П. Оливы важным событием не только в чешской, но и вообще в марксистской историографии античности. Было бы весьма полезно, если бы Издательство иностранной литературы действовало в отношении перевода книги П. Оливы более оперативно, чем с книгой Дж. Томсона, издание перевода которой тянется недопустимо долго, несмотря на неоднократные сигналы, в том числе и в печати (ВДИ, 1950, № 4, стр. 113). При подготовке книги для перевода следует исправить немногочисленные опечатки в указаниях на источники и литературу, как, например, Thuk., VI, 54, а не 56, на стр. 339, прим. 193 книги и столбец 900, а не 300, на 90-й странице статьи П. Оливы.

Я. А. Ленцман

TADEUSZ ANDRZEJEWSKI, Księga Umarłych Piastunki Kai, Papiirus ze Zbiorow, Warszawa, 1951.

Папирус Варшавского государственного музея № 21884, известный под названием «Варшавская книга мертвых», представляет большой интерес для историка и давно уже привлекал внимание египтологов. Издание этого памятника молодым польским ученым Тадеушем Андрижевским является ценным вкладом в науку. Этот папирус, длиной в 9,67 м, очень интересен для изучения египетского заупокойного ритуала, так как на основании его можно установить порядок следования глав Книги Мертвых.

Рецензируемая книга делится на три части: вступление, перевод текста и комментарии, латинская транскрипция. В конце приложены 42 таблицы с фотографиями папируса и карт древнего Египта¹. На основании грамматических особенностей языка и палеографии текста автор датирует папирус концом XVIII или началом XIX династии. Путем наблюдений и сопоставлений Т. Андрижевский устанавливает, что текст папируса написан двумя писцами. Первым писцом написаны главы от 1 до 108, — и писал он более четко и грамотно, чем второй, перу второго писца принадлежит все остальное.

Текст папируса, как обычно, написан черной краской, названия глав и имеющее наибольшее значение — красным цветом. Однако в целом ряде случаев (например, часть гл. 8, 144—146) текст папируса написан белой краской, что затрудняет чтение оригинала. Только при помощи фотографии инфракрасными и ультрафиолетовыми лучами автору удалось добиться чтения и транскрипции этих мест папируса. Воспроизведенные способом такой фотографии таблицы, помещенные в конце книги, позволяют сравнить текст папируса с его транскрипцией. Для одного листа автором даны две,

¹ Несколько необычно социальное положение владелицы «Книги мертвых» — Кап, являвшейся кормилицей некоего Аменемоне, которого она называла «барашком». Автор так толкует выражение $\text{Imn-m-ipt rd dw n. s B}^{\prime} \text{K}^{\prime} \text{i}$. Свой перевод он обосновывает тем, что rd dw стоит в форме страдательного залога на w и глагол относится к имени кормилицы, а не к имени ее питомца, т. е. Аменемоне. Такое написание слова встречается 23 раза из 28, и это, как справедливо считает автор, говорит в пользу его перевода. Однако при этом переводе остается несколько сомнительным предположение Т. Андрижевского, что «Книга мертвых» была куплена Аменемоне для своей кормилицы и из любви к ней он поместил рядом со своим именем прозвище «барашек», которым она называла его в детстве. Против предположения, что имя кормилицы было $\text{B}^{\prime} \text{K}^{\prime} \text{i}$, говорит то, что среди египетских имен Ранке в его «Египетских личных именах» такое имя не встречается, тогда как женское имя Кап в Новом царстве встречается достаточно часто.